

Н.Н. Журавлева (Минск)

СИТУАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Ситуация – это совокупность обстоятельств, в которых находится человек. Любая ситуация может быть рассмотрена с точки зрения ряда устойчивых черт, присущих человеческому взаимодействию. Выделяются такие параметры, как состав и цели участников ситуации, правила участия в ситуации, роли участников, репертуар действий, особенности коммуникативных средств и т. д.

Нашей задачей является анализ реализации интенции упрека в речи людей, принадлежащих одной лингвокультурной общности, но действующих в различных ситуациях. Это позволяет выделить те языковые различия, которые обусловлены именно ситуативными факторами. В поле нашего анализа находятся две ситуации: межличностное общение и парламентские дебаты.

Интенция упрека мотивируется неблагоприятной для говорящего ситуацией, которая входит в его личную сферу, ущемляет его интересы, причем

ответственность за это положение дел несет слушающий, адресат упрёка. Цель данного речевого акта состоит в том, чтобы обратить внимание собеседника на негативные моменты в его поведении, побудить его задуматься над своими поступками и изменить поведение в лучшую (по мнению говорящего) сторону. Упрек по своей сути субъективен. В ходе анализа реализации интенции упрёка было замечено, что в ситуации парламентских дебатов, в отличие от межличностных конфликтов, чаще используются приемы, направленные на «объективизацию» упрёка. Речь идет об употреблении таких выражений, как *naprawdę / действительно; prawdę mówiąc / по правде говоря; mówiąc szczerze / по совести говоря; wszyscy wiedzą / всем известно; sam wiesz / сам знаешь; jak zawsze / как всегда; przecież / ведь* и др. А. Авдеев, чьи работы по коммуникативной грамматике оказывают большое влияние на прагмалингвистические исследования в современной полонистике, назвал эти единицы «персуазивными операторами» [Awdziejew 2004, с. 142], так как благодаря им внимание адресата концентрируется на той информации, которая выгодна для говорящего. Обратимся к примерам (описание реализации интенции упрёка основывается на примерах высказываний из протоколов заседаний Сената Польши за 2004 г., www.senat.pl). (1) - *Czemu rząd jest nieprzygotowany? / Почему правительство не подготовлено? - Ja bardzo bym prosila, Panie Senatorze, aby pan sobie darował takie uwagi. Pytanie jest nazbyt szczegółowe, więc doskonale rozumiem – i chyba wszyscy państwo rozumiecie – że pani minister na takie bardzo szczegółowe pytania trudno odpowiedzieć. / Я очень бы просила, чтобы Вы, господин депутат, избегали подобных замечаний. Вопрос очень детальный, и я прекрасно понимаю – и вы все, вероятно, понимаете, что госпоже министру на такие вопросы очень трудно ответить* (www.senat.pl/k5/dok/sten/074/074spr.pdf).

Употребляя конструкцию *wszyscy państwo rozumiecie / вы все понимаете*, говорящий «выводит на арену действий» других лиц, усиливая тем самым силу своих аргументов. Использование вышеназванных операторов существенно ограничивает адресата в верификации правдивости суждения говорящего, а также правильности и обоснованности его оценок. Эти средства могут апеллировать как к знаниям коммуникантов (*wszyscy wiedzą / все знают; sam wiesz / сам знаешь*), так и к условию искренности речевого акта (*naprawdę / действительно; prawdę mówiąc / по правде говоря*). Говорящий высказывает свое собственное негативное (в случае упрёка) отношение, при этом норму, под объективность, причем взгляд на нее должен разделять и собеседник. Если же последний имеет другую точку зрения, то упрёкающий дает ему понять, что спорить бесполезно, так как об этом *każdemu wiadomo / каждому известно*, это *wszyscy wiedzą / все знают* и в этом *prawda / правда*. Эту мысль можно подтвердить следующим примером: (2) *Wydawałoby się, że każdy w Polsce wiedzieć powinien, że Górny Śląsk wrócił do Polski w 1922 r., czyli dopiero osiemdziesiąt dwa lata temu. O tym przecież wiedzą już niektórzy przedszkolacy. A oni tu nie wiedzą! / Казалось бы,*

что каждый в Польше должен знать, что Верхняя Силезия вернулась в Польшу в 1922 г., т. е. только 82 года тому назад. Это ведь знают даже некоторые дошкольники. А они тут не знают! (www.senat.pl/k5/dok/sten/073/073spr.pdf).

В данной ситуации говорящий использует различные средства, чтобы выразить негативные эмоции по поводу действий своих собеседников и чтобы при этом упрек выглядел объективным: *każdy wiedzieć powinien / каждый должен знать; o tym przecież wiedzą już / это ведь знают даже дошкольники; a oni tu nie wiedzą / а они тут не знают*. Данный пример интересен также тем, что говорящий, демонстрируя свое отрицательное отношение к действиям партнеров, использует тактику отстранения от слушающих, заменяя местоимение 2 л. мн. ч. *wy* местоимением 3 л. мн. ч. *oni*. Обратим внимание также на частицу *przecież / ведь*. Подобные «мелкие слова» (по определению Л.В. Щербы), которые даже и самостоятельной частью речи не являются, «выражают отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции...» [Wierzbicka 1976, с. 327]. Употреблением одной лишь частицы говорящий ставит адресата в такую ситуацию, когда он не может опровергнуть сказанное, потому что *przecież / ведь* внушает, что данная информация известна обоим участникам диалога и в связи с этим не может подвергаться сомнению, что наблюдаем в примере (3). *Ja przecież dzisiaj z dziesięć razy mówiłem, że będą głosowania, mogą to powtórzyć jeszcze jedenasty.* / Я ведь сегодня раз десять говорил, что голосования будут, могут это повторить еще одиннадцатый раз (www.senat.pl/k5/dok/sten/074/074spr.pdf).

Остается вопрос: почему у говорящего возникает потребность придать своему упреку вид объективного? С одной стороны, стремление к тому, чтобы оценку разделяли другие, – естественная потребность каждого человека в любой ситуации. С другой стороны, упрек – «невежливое» действие. Каждый человек испытывает два желания, связанных с сохранением своего лица (лицо – это некоторый образ индивида, поддержание которого каждый член общества требует для себя от других): желание не испытывать помех в своих действиях и желание получить одобрение [Brown, Levinson 1987]. Выходит, что упрек представляет собой угрозу позитивному лицу адресата (говорящий не только негативно оценивает его поведение, но и пытается его изменить). Одновременно упрек является потенциально опасным речевым действием и для упрекающего: на нем лежит ответственность за нанесение ущерба лицу партнера вследствие несоблюдения правил речевого общения. Как в таком случае строить эффективное речевое взаимодействие, сохранив при этом и свое лицо, и собеседника? П. Браун и С. Левинсон, введя понятие негативной и позитивной вежливости, описали различные речевые стратегии, направленные на достижение гармонии между коммуникантами. Позитивная вежливость связана с демонстрацией говорящим единства и солидарности с собеседником, она направлена на усиление эффекта «вежливых» речевых актов.

Негативная же вежливость связана с предоставлением свободы человеку, она направлена на смягчение «невежливых» речевых актов различными способами [Brown, Levinson 1987, с. 131]. По нашему мнению, к ним можно отнести и те, благодаря которым говорящий стремится придать упреку вид объективной оценки: такой ход позволяет упрекающему сохранить свое лицо и собеседника.

Более частое употребление «персуазивных операторов» в ходе реализации интенции упрека в ситуации дебатов объясняется, на наш взгляд, персуазивностью парламентского дискурса. Под персуазивностью понимается сознательное и намеренное воздействие говорящего на когнитивно-ментальную сферу адресата. Причем следует подчеркнуть, что адресат в ситуации дебатов в парламенте – это не только находящиеся в зале депутаты, но и массовый адресат, избиратели, которые имеют возможность следить за ходом заседаний парламента, благодаря телевидению и СМИ.

Таким образом, использование персуазивных операторов в речевом акте упрека позволяет говорящему решить несколько задач: сохранить свое лицо и заблокировать возможность верификации правдивости своего суждения и обоснованности оценки адресатом. Решение этих задач, в свою очередь, служит главной цели политика: внушить определенные идеи, принципы, сформировать определенные установки в оценке различных событий и фактов не только (и не столько) у реальных участников данного события, но и у потенциальных, т. е. у массового адресата.